

Реформатский Игорь Александрович

ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ

Я родился в 1923 г., в Москве, на Арбате. До войны успел окончить только школу. В 1941г. был призван в Красную Армию. На войне был пулемётчиком и писал о войне как журналист.

В дни Сталинградской битвы я был корреспондентом газеты «Красный воин» 84-й СД. Я записывал то, что видел своими глазами, слышал от солдат, командиров, комиссаров, читал в политдонесениях или в штабных журналах боевых действий. Вот несколько эпизодов, которые, думаю, не потеряли интереса и сейчас, спустя 60 лет после описываемых событий.

Два летчика

Дело происходило ранней осенью 1942 г. в степи, в междуречье Волги и Дона. 2 сентября в 10.55 над огневой позицией зенитчиков появились четыре «Ме-110» на высоте 800-900 м с дальностью 16. Открыли огонь. Корректировал ст. л-т орденоносец Избицкий. 3-й снаряд расчета сержанта Шишленко попал стервятнику в фюзеляж. Самолет сразу же загорелся и круто пошел на снижение. Из него выбросился летчик с парашютом, которого сразу же взяли в плен находившиеся поблизости бойцы. Остальные три «Ме-110», встреченные дружным огнем зенитчиков, быстро развернулись обратно.

Эти строки живо напомнили мне и короткий бой наших зенитчиков с немецкими истребителями, имевшими, помимо пяти пулеметов и двух пушек, еще и бомбовую нагрузку в 500 кг, и вид сбитого на моих глазах гитлеровского летчика. Мне повезло: я пришел, чтобы побеседовать с артиллеристами, узнать, как они воюют, а тут я не только воочию увидел результаты их нелегкого труда, но и получил возможность познакомиться с «небесным гостем».

Одетый в легкую розовую шелковую рубашку с расстегнутым воротом, светлосерые бриджи с острой стрелкой на коленке, в сапогах, начищенных до блеска, слегка запылившихся, пока его вели по степи, предстал перед батареецами немецкий пилот. Гладко выбритый, с надменным взглядом, немец держался весьма независимо, презрительно оглядывая обступивших его зенитчиков.

— Отпустите меня, — самоуверенно заявил фриц. — Смотрите, Волга рядом, буль-буль. Ваши дни сочтены. Отпустите, и я за вас похлопочу.

— Во, фриц дает, — зашумели зенитчики, когда я им перевел слова сбитого немецкого летчика. — Для кого еще раньше буль-буль окажется!

— Где вы летали раньше? — задал вопрос после выяснения имени, фамилии, войсковой принадлежности немца подошедший командир дивизиона капитан Васильченко.

— Во Франции, Дании, Бельгии. В Северной Африке тоже.

— Приходилось ли вам раньше пользоваться парашютом? Сколько раз?

— Это первый раз. Случайность.

— А вот у нас это уже 29-й сбитый самолет. Восемь из них сбил этот расчет. Так что же, это тоже случайность?

Гитлеровец презрительно пожал плечами.

— Не хочешь ли, фриц, поглядеть, кто тебя сшиб? — предложили пленному бойцы, выталкивая вперед засмущавшегося Шишленко. На его голове криво сидела вылинявшая на солнце пилотка. Ворот гимнастерки был расстегнут. Кирзовые сапоги со стоптанными каблуками давно потеряли свой цвет. На щеках сержанта золотилась небритая щетина.

Мне ярко запомнилось выражение лица немца, когда он увидел Шишленко. Из наглого, самоуверенного, холеного арийца он постепенно превратился в потерявшегося, готового расплакаться хлюпика. За считанные минуты от лоска, надменности, чувства абсолютного превосходства не осталось и следа. То, что его, летавшего и над Ев-

ропой, и над Африкой, а сейчас и над Сталинградскими степями, отстоящими от Германии на сотни километров, смог сбить какой-то русский мужичонка — это никак не укладывалось в его набриолиненной голове.

— Ну, что ж, — обратился командир дивизиона к окружающим. — Представление окончено. По местам. А ты, Шишленко, проводи своего «крестника» в штаб дивизии. Пусть там с ним побеседуют.

Сгорбившийся, понуро склонивший голову немецкий ас медленно побрел по степи. За ним, сжимая в руках автомат, шел улыбающийся сержант Иван Шишленко, бывший садовод из-под Курска, выращивавший в колхозном саду яблоки и груши.

Встреча старых однополчан

Проезжая по степи, командир дивизии генерал-майор П. Фоменко заметил, как, помогая своей лошади, подталкивал плечом тяжело нагруженную повозку пожилой ездовой. Когда генеральская машина поравнялась с застрявшей повозкой, солдат на минуту обернулся и снова навалился на нее. Генерал приказал водителю остановиться и помочь пожилому бойцу.

— Как дела, солдат? — обратился комдив к ездовому. — Коню помогаешь? — Это хорошо. Конь тебя тоже всегда выручит.

Боец еще раз поднатужился, и повозка стронулась с места. Он поправил складки выдавшей виды шинели под стареньким ремнем, приосанился и, вскинув руку к головному убору, повернулся к генералу.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал?

— Обращайся, обращайся. Что у тебя?

— Товарищ генерал, а вы раньше тут бывали?

— Бывал, — улыбнулся Фоменко. — А что, может, и тебе пришлось тут верхом скакать, беяков бить?

— Приходилось. В гражданскую.

— Постой, постой, — заинтересовался комдив. — А у кого же ты был в полку?

— У Фоменки.

— У Фоменки? — с волнением переспросил генерал. — Так что же, значит, мы с тобой второй раз вместе воюем? А как твоя фамилия?

— Крюковы мы, Крюковы. Сейчас вот служу у саперов. Мины вожу, лопаты.

— Награды у тебя есть, Крюков?

— Есть. Еще с той войны Георгиевскую медаль берегу.

Генерал нахмурился:

— Ну, Крюков, благодарю за службу. — Комдив прикоснулся рукой к папаше и добавил — А коня береги. Береги, Крюков. Он тебя никогда не подведет.

На следующий день в саперный батальон пришел приказ командира дивизии: за отличное выполнение боевых заданий командования красноармеец Крюков награждался медалью «За боевые заслуги».

Огонь на себя

Среди артиллеристов заслуженным уважением пользовался старший лейтенант Ганий Хамитов. Незадолго до начала Великой Отечественной войны он успешно окончил физический факультет Казанского университета и, как один из наиболее талантливых студентов, был оставлен для продолжения научной работы на кафедре экспериментальной физики. Однако нападение гитлеровской Германии на нашу страну летом 1941 г. нарушило все планы молодого ученого. Отлично знавший математику, способный быстро выполнять сложные расчеты, Хамитов пошел в действующую армию, был зачислен в артиллерию и вскоре стал командиром батареи нашего артполка. Во время ожесточенных боев в районе высоты 129,6, о важности которой Г.К.Жуков докладывал Верховному Главнокомандующему, наблюдательный пункт Хамитова находился на южном скате этой высоты. В глубоких, узких ровиках вместе с комбатом были разведчики, связи-сты, наблюдатели — всего 11 человек.

Во второй половине дня гитлеровцы обрушили на наш передний край шквал артиллерийско-минометного огня. Вслед за короткой бомбежкой на высоту двинулись немецкие танки. К исходу дня фашистам удалось кое-где потеснить нашу пехоту. Однако артиллеристы оставались на своих местах. Но вот противник сумел зайти хамитовцам в тыл. В ход пошли гранаты. Командир молча оглядел своих товарищей.

— Отступать некуда. Будем стоять насмерть, — за всех ответил сержант Белавенцев.

— В укрытие, — подал команду Хамитов. — Передайте на батарею: огонь на меня!

Связь работала нормально.

— Повторите данные, повторите данные, — чуть помедлив, попросили с огневой.

— Огонь! — схватил трубку Хамитов. — Огонь! Больше огня на меня!

Вокруг ровиков, где укрылись отважные воины, стали рваться наши снаряды. Не ожидавшие этого, фашисты залегли.

— Еще огня! Еще,- хриплым голосом командовал комбат, стараясь перекрычать грохот разрывов снарядов.

Лишь ночью храбрецам удалось пробиться к своим. Вокруг НП лежали трупы гитлеровцев; исковерканными железными коробками замерли разбитые танки.

Когда я потом встретился с Хамитовым, то задал ему вопрос:

— О чем ты думал, когда вызывал огонь на себя?

— О чем? Понимаешь, погибать — так с музыкой! А погибать лучше уж от своих снарядов, чем от фашистских. Еще хуже было бы, если они раненного меня захватили.

Тот же вопрос был задан и огневикам.

— Трудно было выполнять этот приказ командира. Но приказ есть приказ. Не выполнить его нельзя. Мы верили: командир знает, что делает. Мы верили в него. Могли ли мы не выполнить его приказ? Может быть, последний?..

Мемориальная доска на школе № 28

В конце января 1943 г. перед войсками Донского фронта, в состав которого входила и наша 84-я стрелковая дивизия, стояла задача по рассечению и уничтожению окруженной 6-й немецкой армии генерала Паулюса. Сбивая заслоны немецко-фашистских частей, наша дивизия прошла правым флангом по северной окраине поселка Городище. Из почти 700 домов там оставалось не более двух-трех десятков, остальные были разрушены, сожжены. Комдив генерал Фоменко торопил командиров полков, чтобы они скорее заканчивали уничтожение забившихся в подвалы, погреба, развалины каменных домов гитлеровцев.

Утром 2 февраля во взаимодействии со штурмовыми группами, сформированными в полках, разведчики во главе с командиром разведроты капитаном Андреевым ворвались в сильно укрепленный и строго охраняемый блиндаж. За столом, мрачно опустив голову на сцепленные руки, тяжело сидел командир 546-го немецкого пехотного полка 389-й пехотной дивизии полковник Ганс Иоахим Харнштейн.

— Старый знакомый, — докладывал потом командиру дивизии Андреев. — Мы с ним еще в сентябре прошлого года под Орловкой встречались.

На следующее утро сухой, высокий полковник Ганс Харнштейн строил своих солдат на площадке около школы N 28 Тракторозаводского района Сталинграда, чтобы сдать их генералу Петру Фоменко.

На этом месте в 1985 г. на фасаде школы была торжественно открыта мемориальная доска, на которой начертаны слова:

«В районе школы N 28 в январе — начале февраля 1943 года героически сражались против окруженных немецко-фашистских войск воины 84-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Фоменко П.И.»

Эта доска была единственной в честь дивизии Донского фронта. Все мемориальные доски, находящиеся в городе, посвящены исключительно частям и соединениям, сражавшимися непосредственно в Сталинграде в составе 62-й армии.

Мне в числе других воинов 84-й СД было присвоено звание почетного гражданина поселка городского типа Городище.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Косяков Илья Константинович**, студент 3-го курса Московского авиационного института